

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет

Е. А. Проценко

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье обсуждается вопрос распространения лексики иноязычного происхождения в средствах массовой информации и социальных сетях. В качестве объекта исследования выбрана лексика из тематической группы «косметология». На основе предложенной концепции межъязыкового перекодирования осуществляется комплексный анализ англицизмов, используемых в этой сфере. По результатам сопоставительного анализа частотности употребления исследуемой лексики в разных подкорпусах Национального корпуса русского языка авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день социальные сети являются наиболее активным каналом проникновения иноязычной лексики в разные стили современного русского языка.

Ключевые слова: лексика иноязычного происхождения, социальные сети, межъязыковое перекодирование, русский язык, англицизмы.

Abstract: the article discusses the issue of the wide-spread use of foreign language words in the mass media and social networks. The thematic group of cosmetology is chosen as an object of study. Based on the proposed concept of cross-language recoding a complex analysis of lexical units borrowed from the English language is provided. Through the comparative analysis of the recoded words frequency in different corpus of the Russian language the authors come to the conclusion that nowadays social networks are the most active channel of foreign language penetration.

Keywords: foreign words, social networks, cross-language recoding, Russian language, anglicisms.

Проблема взаимосвязи языка и культуры является традиционной в лингвистике. На сегодняшний день общепризнано, что язык является одним из ключевых элементов культуры и основной формой ее существования. В современной геополитической ситуации в связи с распространением на Западе антироссийской пропаганды и политики «культурной отмены России» проблема сохранения целостности русского языка и русской культуры приобретает особую актуальность и значимость [1]. В этой связи сохранение чистоты русского языка можно считать в определенной степени сохранением русской культуры. На протяжении уже нескольких десятилетий исследователи отмечают засилье иноязычных слов, главным образом, англо-американизмов, которые в буквальном и переносном смысле заполонили современный русский язык. Иноязычная лексика встречается практически везде: в разговорной речи, в средствах массовой информации, Интернет-пространстве и даже в официальных документах. Проблема стала настолько всеобъемлющей, что потребовала государственного вмешательства. В феврале

2023 года были внесены изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», в том числе предполагающие запрет употребления иноязычной лексики, «за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке» [2]. Примечательно, что выявление так называемых «слов года» за 2024 год также показывает абсолютное преобладание иноязычных лексических единиц: *вайб, скуф, инсайт, абьюз, квадранс*.

Однако для того чтобы эффективно противостоять «нашествию англо-американизмов», нужно прежде всего изучить пути и способы их проникновения в современный русский язык. Многие исследователи уже отмечали роль СМИ, которые в последние десятилетия служат своего рода «перевалочным пунктом» [3], где лексика иноязычного происхождения проходит процесс ассимиляции и популяризации. В ряде работ описан процесс адаптации иноязычной лексики и определены особенности ее использования в медийных текстах [4–6]. Однако в последнее время все большее распространение получают новые жанры коммуникации, такие как Интернет-блоги, форумы, социальные сети и т.п.

В настоящей статье представлены результаты комплексного анализа употребления лексики иноязычного происхождения в текстах разной стилевой принадлежности. Материалом исследования послужили контексты использования англо-американизмов, представленные в Национальном корпусе русского языка [7].

В качестве объекта исследования была выбрана тематическая группа номинаций из сферы косметологии. Выбор объекта обусловлен, с одной стороны, тем фактом, что данная тематическая группа в последнее время очень активно пополняется иноязычной лексикой. С другой стороны, рассматриваемая лексика является достаточно специфической, поэтому ее использование в газетном подкорпусе и основном корпусе может рассматриваться как расширение сферы употребления специальной лексики в современном русском языке.

Теоретической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов по вопросам языковых контактов и теории заимствования. Были изучены различные классификации лексики иноязычного происхождения, проанализированы последние публикации по проблеме распространения англо-американизмов в разных языках [8–10].

В основу исследования положена выдвинутая одним из авторов (Е. А. Проценко) концепция поэтапного освоения иноязычной лексики в процессе ее вхождения в язык-приемник [11]. Первым этапом этого комплексного и порою достаточно длительного процесса является перекодирование означающего, при котором иноязычное слово оформляется с помощью языковых знаков принимающего языка и помещается в окружение русских слов. Такие слова, как *ваксинг*, *браш* или *айлайнер* не всегда понятны русскоязычной аудитории и воспринимаются скорее как «свой среди чужих», хотя и написаны на русском языке. На следующем этапе перекодированное слово проходит ассимиляцию на морфологическом и синтаксическом уровнях. В процессе употребления в устных и письменных текстах иноязычная лексика приобретает определенную частеречную принадлежность и начинает оформляться с помощью словоизменяемых, а затем и словообразовательных аффиксов русского языка. По нашим наблюдениям, последним подвергается освоению уровень семантики, поскольку первоначально перекодированное слово сохраняет семантическую близость с иноязычным этимологом, от которого оно было образовано.

Исходя из изложенного выше понимания межъязыкового перекодирования как процесса кодирования лексики иноязычного происхождения с помощью языковых средств принимающего, т.е. в данном случае русского языка, с последующим освоением перекодированной лексики на разных уровнях, был проведен комплексный анализ англо-американиз-

мов из сферы косметологии (более 100 лексических единиц). Выборка проводилась на основе трех подкорпусов Национального корпуса русского языка: основного, газетного и социальных сетей.

Прежде всего отметим, что абсолютное большинство анализируемой лексики не зафиксировано ни в одном словаре иностранных слов. Из общего количества лишь 5 номинаций описаны в каких-либо словарях. Это наглядно подтверждает тот факт, что в центре нашего внимания оказывается именно процесс освоения лексики иноязычного происхождения и ее возможного закрепления в современном русском языке.

На первом этапе исследования проводился комплексный анализ лексики иноязычного происхождения по ряду параметров. В первую очередь были установлены лексические единицы, от которых была образована перекодированная лексика. Сопоставительный анализ перекодированных и собственно иноязычных лексических единиц показал, что наиболее распространенным способом перекодирования означающего является транскрипция.

Отметим, что при передаче звуков английского языка наблюдается некоторая вариативность. Графическая репрезентация перекодированной лексики в ряде случаев передает скорее звуковой образ иноязычного слова, нежели классический вариант его произнесения. Так, например, *atomizer* ['ætəʊmaɪzə] передается на русский язык как *атомайзер*, а *all-over* [ɔ:l'əʊvə] — как *эловер*. Кроме того, непронизносимые в английском языке финальные согласные воспроизводятся при перекодировании на русский язык: *ремувер* от англ. *remover*, *праймер* от англ. *primer*; *пилинг* от англ. *peeling*, *лифтинг* от англ. *lifting*, *ваксинг* от англ. *waxing* и т.п.

Другими словами, при межъязыковом перекодировании передается не столько точная транскрипция иноязычного слова на уровне межъязыковых соответствий, сколько некий звуковой образ слова так, как он воспринимается русскоязычной аудиторией.

Транслитерация также используется как способ перекодирования означающего, но значительно реже (около 30% от общего числа). Приведем несколько примеров: *бронзер* от англ. *bronzer*, *книпсер* от англ. *knipser*, *рефил* от англ. *refill*, *стейн* от англ. *stein*, *шimmer* от англ. *shimmer*, *тинт* от англ. *tint*, *дермапланинг* от англ. *dermaplaning*, *ирритант* от англ. *irritant* и т.п.

С точки зрения грамматических характеристик обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство анализируемой лексики составляют имена существительные. В представленной выборке нет ни одного глагола или наречия и всего 7 прилагательных. Свидетельства преобладания имен существительных среди заимствованной лексики можно найти у разных исследователей [11, 12]. Однако столь высокая доля существительных (около 92%) является характерной скорее для терминосистемы,

учитывая специфику исследуемой сферы косметологии, где преобладает предметная номинативность.

Учитывая, что в английском языке категория рода грамматически не выражена, перекодированные на русский язык слова приобретают род согласно нормам русского языка. В частности, существительные, оканчивающиеся на согласный, воспринимаются как существительные мужского рода (*лифтинг, скраб, флюид* и т.п.), а оканчивающиеся на гласную — как женского, например, *бьюти, флуометрия, тунса*.

Интересно отметить, что два существительных употребляются исключительно во множественном числе, что говорит о прямом перекодировании от соответствующих форм английского языка: *патчи* от англ. *patches* и *тунсы* от англ. *tips*.

Результатом морфологического освоения перекодированной лексики является склонение имен существительных и приобретение ими соответствующих падежных окончаний в окружении русских слов, например:

«*Воск не липнет к коже и его можно наносить на волоски в любом направлении их роста. Эффективность ваксинга при этом не пострадает!*» [Ксения Шугаринг. Воронеж, 2020].

«*Скажу сразу свое мнение насчет любых патчей, не только этой фирмы, я не верю в байки производителей о том, что патчи убирают синяки под глазами*» [nedosekina mua. Макияж, 2022].

«*Nanutik, акрилом насколько я помню наращивают на тунсах* (подкладывают *тунсу* и сверху акрилом)» [Очень нужен ваш совет! (2009–2016)].

Поскольку межъязыковому перекодированию подвергается ряд иноязычных слов, образованных по одной словообразовательной модели, в структуре анализируемой лексики можно выделить, как минимум, два словообразовательных аффикса иноязычного происхождения: *-ер* и *-инг*, например: *праймер, хайлайтер, айдефайнер, консилер, айлайнер, пушер, эловер и брашинг, липофилинг, блейдинг, микронидлинг, пилинг, стемпинг, стиплинг, тридлифтинг, ваксинг* и т.д.

Среди синтаксических связей перекодированных лексических единиц преобладают атрибутивные и объектные отношения, что очевидно объясняется высокой долей субстантивов. Приведем несколько примеров:

«*Привет, ищу для себя специалиста — мастера маникюра и педикюра И так же мастера по шугарингу*» [CypRus Helpers. telegram CypRus Helpers (11.04.2022)].

«*В варианте «Солнечное сияние» глаз обрабатывается либо ярко-зеленым айлайнером и тушью (цветная тушь накладывается поверх традиционной черной, которая в данном макияже используется в качестве базы) — зеленый оживляет спокойную гармонию золотисто-коричневых тонов, либо коричневым*» [ВАШЕ ЛИЦО. «Без макияжа, как без соли» // Аргументы и факты, 1995.03.07].

Особо следует подчеркнуть, что перекодированная лексика зачастую соседствует с собственно иноязычными вкраплениями. Последние чаще всего выступают в функции приложения и представляют собой имена собственные, названия средств по уходу, марки производителя и т.п., например:

«*Приз — дорожный фен для волос от Redken, брашинг для волос от L'oreal и маска для окрашенных волос от Kerastase*» [vk (06.07.2015)].

«*В нее вошли жидкие тени-трансформеры, палетка теней After Dark, тонирующий стик Teint Idole Ultra с функцией корректора и хайлайтера*» [Ирина Кириенко. Приманить весну // Коммерсант, 02.03.2020].

В плане семантики проводился контекстуальный анализ значения перекодированных лексических единиц с их последующим сопоставлением со значением соответствующих иноязычных слов (по данным толковых словарей английского языка). В целом можно сказать, что употребление перекодированной лексики соответствует ее значению в языке-источнике. Однако в некоторых случаях прослеживается расширение или, наоборот, конкретизация значения. В частности, по данным словарей английского языка [13], *mist* имеет значения «туман; аэрозоль», тогда как перекодированное слово *мист* используется в социальных сетях для обозначения не только спрея, но и просто лосьона: «*Мы придумали решение: встречайте новинку — увлажняющий мист-спрей для волос и тела из линии Perfect Hair. Советуем брать это средство с собой и распределять на кожу головы и волосы в течение дня*» [Константин Бьюти. OLLIN PROFESSIONAL ВОРОНЕЖ (2020)]. «*Японский лосьон-мист для борьбы с высыпаниями и раздражениями, и как антивозрастной уход!*» [Ольга. О бюджетных находках класса люкс. 2022].

Примером метонимического переноса является употребление перекодированного слова *брашинг* (англ. *brushing* — «использование щетки») в значении «щетка для волос»: «*Уложить волосы при помощи круглой расчески (брашинга)*» [Константин Бьюти. OLLIN PROFESSIONAL ВОРОНЕЖ (2018)].

Отдельно хотелось бы отметить, что процесс межъязыкового перекодирования, как, например, вторичное заимствование или межъязыковое перекодирование по нескольким значениям, настолько активен в последнее время, что приводит к межъязыковой омонимии в русском языке. Например, слово *лайнер* пришло к нам от англ. *liner* — *line* (линия) и употребляется обычно в двух значениях:

«крупное быстроходное судно»;

«скоростной пассажирский самолет» [14].

В сфере же современной косметологии *лайнер* обозначает «карандаш, подводка», *айлайнер* — «подводка для глаз». Для сравнения: *лайнером* или *линером* называют также инструмент для черчения. В корпусе социальных сетей встречаются оба перечисленных значения:

«Люблю рисовать стрелки **лайнером**». Самый классный **лайнер** — beautydrugs @ anna_myazina_store» [Бьютиблог (24.12.2022)].

«Я вообще лайн не делаю (только в комиксе, и то карандашом, но хочу **лайнер** купить)» [telegram Чат для художников (20.03.2022)].

С точки зрения стилистических особенностей стоит отметить, что анализируемая перекодированная лексика сохраняет признаки иноязычного происхождения и воспринимается как иностранный термин зачастую с достаточно туманной семантикой. В нижеследующем контексте очевиден эффект новизны и неизвестности термина *стемпинг* широкому кругу читателей:

«МАСТЕР-КЛАСС ПО СТЕМПИНГУ Вы не знаете, что такое стемпинг?

Тогда успеете записаться на мастер-класс от известного *nail*-блогера Евгении Сузанской (Evageo)» [vk, 17.07.2014].

Тот факт, что перекодированные единицы остаются непонятными для большинства русскоязычной аудитории, вынуждает авторов давать перевод или объяснять значение соответствующих терминов, например:

«Если вы решите подводить глаза тенями, то вам потребуется приобрести специальную кисточку — **лайнер**» [vk, 28.02.2013].

«От омертвевших клеток эпителия можно избавиться при помощи другой салонной процедуры — аппаратного **пилинга (брашинга)**» [Морозная свежесть налицо // Коммерсант, 23.04.2003].

Другими словами, несмотря на формальное перекодирование означающего и морфологическое освоение лексики иноязычного происхождения, ее семантика остается неясной, что и вызывает необходимость перевода на русский язык. В таких случаях используется дословный перевод или калькирование, например: *eyeliner* — карандаш для глаз, *eylash curler* — щипчики для подкручивания ресниц, *false lashes* — накладные ресницы, *glitter for hair* — блески для волос, *lifting effect* — с эффектом подтяжки, *nail clippers* — щипчики для ногтей, *nude makeup* — нюдовый макияж и т.д.

Как уже отмечалось выше, абсолютное большинство перекодированных слов на данный момент не зафиксированы в словарях русского языка (в том числе и словарях иностранных слов) и остаются неизвестными русскоязычной аудитории. Об этом свидетельствует, в частности, необходимость перевода или объяснения значения соответствующих слов, которые имеют ярко выраженный терминологический характер. Тем не менее рассматриваемая лексика встречается в текстах разной стилистической принадлежности и является достаточно употребительной (20% перекодированных слов имеют показатели выше 100 словоупотреблений хотя бы в одном из подкорпусов; 35% — более 50 словоупотреблений).

Сравнительно-сопоставительный анализ по данным разных подкорпусов Национального корпуса русского языка показал, что анализируемая лексика является наиболее употребительной в социальных сетях, через которые и происходит на сегодняшний день популяризация и распространение лексики иноязычного происхождения в другие стили речи. Показателен в этой связи тот факт, что в социальных сетях выявлено в ряде случаев больше значений перекодированного слова, чем, например, в газетных текстах. Таким образом иноязычные термины из сферы косметологии постепенно распространяются через социальные сети в другие стили речи, что неизбежно приводит к увеличению масштабов употребления лексики иноязычного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/75495> (дата обращения 21.11.2024)
2. Федеральный закон от 01.06.2005 г. №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22441>
3. Камалетдинова А. Б. Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации : 1996–2001 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Камалетдинова. – Уфа, 2002. – 24 с.
4. Сиротинина О. Б. Особенности функционирования композитов с препозитивными заимствованными компонентами в современных СМИ О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 143–147.
5. Маринова Е. В. Модные слова в русскоязычных СМК в эпоху постправды (особенности развития семантики) / Е. В. Маринова // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы IV Международного научно-образовательного форума. – Н. Новгород : НГЛУ, 2020. – С. 197–202.
6. Буряковская В. А. Иноязычная лексика как стилистическая черта массмедиа / В. А. Буряковская // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Международной конференции. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 105–108.
7. Национальный корпус русского языка – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.11.2024)
8. Кругляк Е. Е. Семантические англицизмы в печатных СМИ франкоязычной Канады / Е. Е. Кругляк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 2. С. 28–30.
9. Терехова Е. В. Англицизмы в заголовках немецких онлайн-сми и их перевод на русский язык / Е. В. Терехова, О. В. Фоменко // Вопросы гуманитарных наук. 2021. № 3 (114). С. 21–31.
10. Ивлиева Е. А. Англицизмы тематической группы «мода» в испанском медийном дискурсе / Е. А. Ивлиева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2926–2930.

11. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование как способ освоения иноязычной лексики в СМИ / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 3–10.

12. Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С.399–403.

13. Oxford English Dictionary. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 10.11.2024)

14. Новый словарь иностранных слов – Режим доступа: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 10.11.2024)

15. Smokotin V. M. The phenomenon of linguistic globalization : English as the global lingua franca / V. M. Smokotin, A. S. Alekseyenko, G. I. Petrova // Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 154. – Pp. 509–513.

Воронежский государственный университет

*Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igel1@yandex.ru*

Voronezh State University

*Merkulova I. A, Doctor of Philology, Associate Professor of
the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: igel1@yandex.ru*

Воронежский институт МВД России

*Проценко Е. А., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского и иностранных языков
E-mail: procatherine@mail.ru*

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

*Protsenko E. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of Russian and Foreign Languages Department
E-mail: procatherine@mail.ru*